

Два юноши, статные и прямые, словно нефритовые деревья, противостояли друг другу в тронном зале: один — мягкий и утонченный, словно нефрит, другой — пронзительно-холодный и смертоносный.

Придворные невольно отступили на шаг.

Если главный секретарь Цзи принимал такое выражение лица, значит, он собрался точить о кого-то ножи.

А убийственная аура генерала Цзю была острой, как лезвие, ее давящая тяжесть заставляла людей прятать взгляды.

Разве это походило на императорский двор? Чистое поле битвы!

Однако Цзи Няо не делал ничего особенного и не произносил лишних слов — он лишь с улыбкой смотрел на Цзю Линя. Его глаза излучали мягкий, словно вода, свет, и казалось, будто между ними царит подлинное согласие и мир.

Гнев в груди Цзю Линя разгорелся с новой силой.

Этот подонок, этот двуличный лицемер, что он себе позволяет!

Едва увидев его, сразу выдал дежурную вежливую фразу с такой улыбочкой?

Он вообще помнит, кто он такой!

Однако Император Тайчу на Драконьем троне, казалось, вовсе не замечал скрытых бурь в переглядываниях этих двоих.

Император Тайчу беззаботно рассмеялся: — Хорошо, хорошо, хорошо. Раз уж дорогой сподвижник Цзи и великий генералом так ладят, Наше сердце премного довольно.

— Объявить волю: вечером Мы устроим во дворце Чунхуа ночной пир, чтобы приветствовать великого генерала. Присутствовать велено всем приближенным.

— На сегодня всё, аудиенция окончена. Сподвижник Цзи, ты со Мной.

С этими словами Император Тайчу поднялся, а Су Руи поспешно шагнул вперед, подхватывая его под руку, и они направились вглубь покоев.

Услышав приказ, молодой главный секретарь сложил руки в поклоне: — Слушаюсь, Ваше

Величество.

Цзи Няо полностью оправдывал свое имя: длинные ноги, тонкая талия, изящная и гибкая осанка, полная своеобразного очарования.

Придворные тоже начали расходиться, и лишь Цзю Линь стоял на месте, не сдвинувшись с места.

Он смотрел, как этот хрупкий на вид юноша поднимает ногу и следует за евнухом во внутренние покои, а в его глазах клубился темный, злоеющий свет.

Цзи Чанъянь, ну надо же, какой Цзи Чанъянь!

Когда Цзи Няо вышел из императорских покоев, на нем была уже другая одежда.

Вместо прежнего темно-лилового официального одеяния с узором цилинь на нем красовались белые, как снег, одежды. На вид простые, но те, кто разбирался в тканях, сразу бы признали в них облачное парчовое полотно, где тысяча нитей стоила тысячу золотых. Серебряные нити образовывали узор речных утесов и морских волн, а вышитый темным серебром цилинь с гордо поднимающейся головой и ступающий по волнам выглядел невероятно искусно.

Наряд молодого главного секретаря поражал сложностью и роскошью, а от изящного шелкового благовонного мешочка с вышитым зверьком сунни, играющим с парчовым шаром у пояса, исходил легкий древесный аромат.

Если смотреть издали, он казался веткой грушевого дерева в цвету — чистой, возвышенной и безупречной, словно не от мира сего.

Когда Цзю Линь увидел его выходящим, его взгляд потемнел.

О чем они там шептались во внутренних покоях, раз ему даже переодеться потребовалось?

Молодой генерал уставился на красное пятнышко, выглядывавшее из-под воротника Цзи Няо, и в его груди забурилась ярость.

Он даже сам не понимал, откуда берется этот гнев.

Цзю Линь крепко сжал кулаки, сдерживая злость, которая жгла и пекла его изнутри.

Цзи Няо почувствовал на себе чей-то взгляд и поднял голову.

Заметив Цзю Линя, он улыбнулся. Его улыбка напоминала сияние осенней луны — чистая и ясная: — Генерал Цзю, вы тоже на праздничный пир?

Молодой главный секретарь улыбался, говоря ласково и учтиво. В нем не оставалось и следа того коварства и злонамеренности, о которых говорилось в секретном донесении.

Цзю Линь холодно усмехнулся, и в его красивых персиковых глазах сверкнул насмешливый и ледяной блеск: — Удивительное дело, главный секретарь Цзи в своей суете еще способен замечать кого-то еще.

Улыбка Цзи Няо осталась такой же мягкой и интеллигентной, и в его голосе не прозвучало ни малейшего раздражения: — Великий генерал — оплот нашей страны. Даже будь Цзи Няо слеп на оба глаза, он все равно не смел бы пренебрегать генералом.

К черту этого двуличного лицемерного ублюдка!

Мысленно выругавшись сквозь зубы, Цзю Линь холодно фыркнул и взмахнул рукавом удалился.

Цзи Няо проводил взглядом стремительную, мощную поступь молодого генерала. На его губах играла улыбка, но на дно глаз легла тень одиночества и тоски.

Цзю Линь, Цзю Минцзи — словно высокая, недостижимая луна в небесах. Разве мог о нем сметь мечтать такой исчадие ада, запятнанный преступлениями и с руками по локоть в крови?

Мгновение спустя он покачал головой и последовал за ним, неторопливо сохраняя дистанцию в один шаг позади Цзю Линя.

Пусть считают его бесстыдником.

И тогда дворцовые слуги, привыкшие видеть главного секретаря Цзи вечно одиноким, вдруг заметили, как он тихо плетется позади генерала Цзю с безмятежным и равнодушным выражением лица. В этом зрелище сквозило нечто до жути покорное и кроткое, отчего у всех буквально челюсти отвисли до самого пола.

Главный секретарь Цзи — кроткий?

Да если бы главный секретарь Цзи еще не свернул голову генералу Цзю, то лишь из опасения перед стоящей за его спиной армией в четыреста восемьдесят тысяч человек!

Ночной пир во дворце Чунхуа

Верхушки пурпурных верблюжьих гор возвышаются в нефритовых котлах, а по хрустальным блюдам скользят белые чешуйчатые рыбы.

Гости пресытились носороговыми палочками и долго не притрагивались к еде, а императорская кухня все несет и несет восемь драгоценных блюд.

Колесницы с веерами из фазаньих перьев возвращаются по пурпурным дорогам, а танцовщицы с низко опущенными узлами волос подносят вино в чашах.

Бессмертная музыка несется с ветру повсюду, медленные песни и неспешные танцы застыли в переливах струн и бамбуковых флейт.

На праздничном пиру изысканные угощения одно за другим появлялись на столах. Придворные сидели на своих местах согласно рангам, наслаждаясь танцами и музыкой, и на лицах у всех читалось полное удовлетворение.

Цзи Няо чинно сидел на своем месте, сделав лишь пару случайных глотков легкого супа, и больше не притрагивался к палочкам, просто наблюдая за представлением с легкой улыбкой на губах.

Цзю Линь поднял взгляд и посмотрел на сидевшего напротив Цзи Няо.

Цзи Няо уродился необыкновенно красивым.

Брови словно нарисованы тушью, губы — будто тронуты помадой, кожа чистая и прозрачная, казалось, она мягко светится в отблесках светильников.

Узкие и длинные фениксовы глаза вечно таили в себе туманную улыбку, будто в них отражался лунный свет над рекой Циньхуай, полный смутной и изысканной прелести.

Возможно, из-за того, что он слишком много читал, сколько бы слухов о его коварстве и подлости ни ходило вокруг, стоило увидеть его вживую, как человек невольно поддавался очарованию его интеллигентной и мягкой учености.

Привалившись к подушкам на Драконьем троне, Император Тайчу вдруг окликнул Цзи Няо.

Цзи Няо с улыбкой поднялся, склонился в поклоне. Его грациозная и покорная поза обнажила полоску белой шеи с плавными и красивыми линиями, на которой отчетливо выделялось то самое красное пятнышко.

Император Тайчу беззаботно расхохотался: — Садись, дорогой сподвижник, к чему эти церемонии? Я просто окликнул тебя.

Цзи Няо поблагодарил императора за милость и опустился на место, тут же столкнувшись с ледяным взглядом Цзю Линя.

Он улыбнулся в ответ Цзю Линю и снова перевел взгляд на танцовщиц.

Развратные стихи и распутные напевы, разве на это стоит смотреть!

Цзю Линь неожиданно поднялся со своего места, взял кубок с вином и направился прямо к Цзи Няо: — Главный секретарь Цзи, я недавно вернулся в столицу и еще не успел толком познакомиться с главным секретарем. Выпью за ваше здоровье.

Цзи Няо на мгновение замер, затем с улыбкой поднялся с кубком в руке: — Цзи Няо благодарит великого генерала за столь высокую честь.

Цзю Линь холодно усмехнулся, поднял кубок и осушил его до дна.

Цзи Няо посмотрел на белый фарфоровый кубок в своей руке, сжал зубы и тоже выпил все вино до дна, тут же заходясь от резкого кашля.

Сидевшая рядом дворцовая служанка поспешно подошла, чтобы похлопать его по спине. Цзи Няо отмахнулся, велел ей отойти: — Пустяки.

Произнес он мягким голосом.

Служанка послушно отступила. Цзю Линь взял со стола Цзи Няо кувшин, наполнил новый кубок, а заодно до краев плеснул вино и Цзи Няо: — Второй кубок — за усердие и верность главного секретаря.

Рука Цзи Няо, державшая кубок, невольно дрогнула: — Генерал Цзю...

Но Цзю Линь не дал ему ни малейшего шанса на отказ и единым глотком осушил свой кубок.

Цзи Няо закусил нижнюю губу и, помедлив мгновение, последовал его примеру.

Цзю Линь налил третий кубок.

Цзи Няо закашлялся еще сильнее, из глаз брызнули слезы, а фениксовы глаза затуманились: — Генерал...

Цзю Линь и не думал его щадить, наливая ему четвертый кубок...

Лицо Цзи Няо покраснело...

Придворные в шоке смотрели, как Цзю Линь кубок за кубком вливает вино в горло Цзи Няо, лишившись способности говорить.

Ведь это был главный секретарь Цзи!

Главный секретарь Цзи, который в рот не брал ни капли спиртного!

Даже сам император никогда не заставлял главного секретаря пить, как смеет великий генерал!

Добравшись до седьмого кубка, Цзи Няо уже не мог сдерживаться: зажав рот рукой и отвернувшись, он с громким звуком вырвал.

Молодой главный секретарь взмахнул рукой, тяжело и шумно дыша: — Больше не могу, генерал Цзю, пощадите меня.

<http://bllate.org/book/22361/2344373>